

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1989

Леди с Даунинг-стрит, 10

В мае 1989 года исполнилось десять лет с тех пор, как Маргарет Тэтчер заняла пост премьер-министра. Юбилей уникальный: никому из британских премьеров не удавалось отпраздновать его ни в нынешнем, ни в минувшем веке. (Уильям Питт Младший отметил десятилетнее правление в конце XVIII в.) И сторонники, и противники М. Тэтчер признают: без нее представить Британию 80-х просто невозможно. Ее имя дало название политической доктрине и политическому стилю — тэтчеризму, который изменил лицо национальной политики и стал синонимом «неоконсервативной революции». По замечанию профессора Дениса Каванага, мобилизующий стиль миссис Тэтчер в некоторых отношениях напоминает стиль лидерства Ллойд Джорджа и Уинстона Черчилля в военное время. Но, в отличие от них, она пришла к власти не во время войны и не в качестве главы коалиционного правительства.

О решительном характере Тэтчер свидетельствует следующий, уже ставший хрестоматийным эпизод. Вскоре после победы консерваторов на парламентских выборах 1979 года в резиденцию премьер-министра страны, на Даунинг-стрит, 10, пожаловал высокий гость. Осмотрев в сопровождении Маргарет Тэтчер галерею портретов ее предшественников на этом посту, украшающую главную лестницу резиденции, гость заметил вслух, что для портрета самой Тэтчер места уже не осталось. «Не беспокойтесь, — ответила она с улыбкой. — Я сдвину их всех вниз».

Спустя четыре года успех ее партии на очередных выборах был ошеломляющим. А в 1987 году она в третий раз подряд привела к победе консервативную партию.

* * *

В отличие от абсолютного большинства лидеров тори в давнем и недавнем прошлом, Маргарет Хилда Роберте (Тэтчер) не принадлежит ни к земельной аристократии, ни к традиционной правящей элите. Она родилась в октябре 1925 года в семье бакалейщика в небольшом городке Грантем (графство Линкольншир), милях в ста к северу от

Лондона. Ее отец Альфред Роберте за недостатком средств не смог получить хорошего образования, но ценил книгу, много читал; являясь консервативным членом местного совета, участвовал в политической жизни Грантема и одно время даже был его мэром.

Воспитание в доме Робертсов основывалось на викторианских ценностях — уважении к собственности, бережливости, прочности семейных уз, религиозности. Привычным и чтимым был здесь и упорный труд. Маргарет и ее старшая сестра Мюриэл помогали родителям не покладая рук. Любимую поговорку своей бабушки Тэтчер вспоминает и по сей день: «Если дело вообще стоит делать, его стоит делать хорошо». Еще в родительском доме у Маргарет созрело честолюбивое желание вырваться в широкий мир, в полной мере реализовать свои возможности.

С детства определяются и ее политические симпатии. Уже в десять лет она выполняет разовые поручения местного отделения консервативной партии. По окончании школы поступает в Сомервилл-колледж Оксфордского университета, где изучает химию. Не забывает и о политике: активно работает в университетской организации консерваторов и вскоре избирается ее президентом. Выйдя из Оксфорда бакалавром естественных наук, в течение четырех лет совмещает политическую деятельность с работой по специальности и уже в 1950 году баллотируется в парламент.

Стать законодателем с первой попытки Маргарет Роберте не удастся, хотя процент голосов, отданных за ее кандидатуру в округе, который по всем прогнозам считался лейбористским, внушительен — 36. Следующая попытка пробиться в парламент, предпринятая в 1951 году, также не приносит успеха. В том же году Маргарет выходит замуж за преуспевающего бизнесмена Дэниса Тэтчера. В 1953-м у супругов рождаются двойняшки — Марк и Кэрол, и в политической карьере приходится сделать перерыв. Он длится четыре года и используется не только для семейных забот, но и для изучения юриспруденции. Избирательная кампания 1959 года приносит М. Тэтчер долгожданный успех: она становится членом парламента.

Ее выдвижение в первые ряды консервативной партии было, в точности по пословице, медленным, но верным. Лишь в 70-е годы она получает крупный правительственный пост — министра просвещения и науки в кабинете Э. Хита. Но уже в 1975-м ее избирают лидером партии, и на очередных всеобщих выборах тори одерживают победу

Этому предшествовал серьезный пересмотр программы партии и методов ее воздействия на избирателей. Еще накануне чувствительного поражения консерваторов на выборах 1974 года лорд Ротшильд, глава их «мозгового центра», предупреждал: «Если мы не затянем туго ремни и не откажемся от мысли, что мы — одна из самых богатых, влиятельных и значительных стран в мире, иглыми словами, от представления, будто нами все еще правит королева Виктория, то нам не миновать все более тяжких бед... Надо осознать: у нас нет ни денег, ни природных ресурсов для того, чтобы делать все, что нам хотелось бы».

Британия, которую в прессе все чаще называли «больным человеком Европы», вступала в затяжной период глубокого экономического и социального кризиса, и крупный капитал искал новые рецепты управления страной. Все более очевидной становилась несостоятельность реформистской теории «общества всеобщего благоденствия», провозглашавшей, что буржуазное государство якобы способно удовлетворить потребности всего населения с помощью разветвленной государственной системы социального обслуживания и социального страхования, регулирования отношений между трудом и капиталом. Предприниматели могли пойти на это в период относительно устойчивого экономического роста первых послевоенных десятилетий, но как только конъюнктура изменилась в худшую сторону, их готовности к уступкам и «взаимопониманию» с трудящимися пришел конец.

Профсоюзы, чье влияние многократно возросло в результате важных социально-экономических завоеваний, ясно дали понять, что свои позиции они сдавать не намерены. Всеобщая забастовка горняков в 1974 году привела к падению консервативного правительства Э. Хита.

Но и лейбористская партия, массовой базой которой являются тред-юнионы, не смогла осуществить мер, которые привели бы к оздоровлению экономики. Ее политика в 60—70-х годах все больше отождествлялась с попытками перестроить экономику и общество таким образом, чтобы это не затронуло основ существующего порядка. «Социальный контракт», положенный в основу взаимоотношений лейбористского правительства (1974—1979 гг.) и Британского конгресса тред-юнионов, стал фактором сдерживания требований трудящихся о повышении заработной платы и улучшении условий труда и жизни. Было очевидно, что прежняя реформистская политика исчерпала себя.

М. Тэтчер возглавила консервативную партию в условиях роста недоверия избирателей к обеим основным партиям и вообще к политике. Она предложила англичанам программу, которую в дальнейшем последовательно воплощала в жизнь, несмотря на критику оппозиции и умеренного крыла ее собственной партии. Разъясняя свои цели, она сумела выразить их в близких простым людям понятиях, сделать эти цели созвучными их устремлениям. М. Тэтчер удалось создать образ лидера, которому понятны настроения миллионов англичан.

«Что меня раздражало во всей направленности политики в последние тридцать лет, — заявила М. Тэтчер в интервью «Санди тайме» в 1981 году, — так это то, что она всегда тяготела к коллективистскому обществу. Люди забыли об обществе личностей. И они задаются вопросом: а значит ли что-то каждый из нас? Короткий ответ таков: да, значит. И потому речь идет не о том, что я взялась за экономическую политику, а о том, что я намерена по-настоящему изменить подход.. Экономика — это метод; цель — изменить душу нации».

Выступив с критикой государственного вмешательства (которое не дало ожидаемых благ), бюрократизации, громоздких систем социального обслуживания, унификации и регламентации общественной жизни, ограничения индивидуальных возможностей, Тэтчер нашла широкий отклик. Этим объясняется успех ее призыва к тому, чтобы «народ взял свою судьбу в собственные руки».

В соответствии с монетаристскими теориями был провозглашен приоритет конкуренции, свободы рынка. Роль государства должна была быть ограничена обеспечением условий для свободной игры рыночных сил. Государственный сектор подлежал значительному сокращению. О «всеобщем благоденствии», добавляли «монетаристы», не может быть и речи; существует, мол, «естественный уровень» безработицы, а оставшиеся за бортом должны сами о себе позаботиться. В ход пошел и другой демагогический тезис — о «соотношении свободы и равенства»: если они вступают в противоречие друг с другом, то предпочтение следует отдать свободе за счет равенства. Отсюда вывод: «власть профсоюзов», мешающих свободе предпринимателей, надо урезать, а большие социальные расходы, ведущие к росту инфляции, сократить. (Под ударом, таким образом, оказывались прежде всего люди малоимущие и с низкими доходами.) В представлении Тэтчер идеальное общественное устройство — «народный капитализм», то

есть общество мелких акционеров и предпринимателей, имеющих свое дело.

Выступая в 1979 году с подобной платформой на парламентских выборах, Тэтчер добилась поддержки не только буржуа и служащих, но и многих рабочих. Сказались провал политики, проводившейся лейбористским правительством Дж. Каллагэна, резкое недовольство половинчатыми решениями острейших социально-экономических проблем. А Тэтчер, великолепный оратор, сумела внушить: иной альтернативы, кроме той, что предлагают консерваторы, нет. И избиратели поверили...

* * *

Распорядок дня на Даунинг-стрит, 10, строгий. Премьер-министр спит лишь четыре-пять часов в сутки. Ложится не раньше часа ночи, а уже в шесть утра слушает информационный выпуск Би-би-си по четвертому радиоканалу. В будни Тэтчер часто вообще отказывает себе в завтраке, ограничиваясь стаканом сока, таблеткой витамина С и чашкой кофе. Впрочем, это не мешает ей позаботиться о завтраке для мужа.

В 8.30 премьер изучает у себя в кабинете сводку новостей, поступивших поздно вечером. Затем внимательно прочитывает газету британских деловых кругов «Файнэншл тайме». Другие газеты только просматривает. В 9.30 — прием основных министров правительства, в 10.30 по четвергам — заседание всего кабинета, на котором Тэтчер строжайшим образом следит за соблюдением повестки дня.

«Она считает, что «ее» министры должны руководить министерствами, а не помогать принимать решения об общем ведении дел в правительстве», — пишет по этому поводу журнал «Экономист». Для ее стиля не характерен принцип свободного обсуждения спорных вопросов с коллегами. С тех пор как «железная леди» стала во главе кабинета, продолжает еженедельник, «звон бьющихся стеклов и грохот ломающейся мебели на Даунинг-стрит» вошли в обычай. Цитату не следует понимать буквально: имеется в виду резкое обращение не с предметами обстановки, а с коллегами по кабинету. За восемь неполных лет, начиная с 1979 года, в отставку подали без малого двадцать министров. Работать с Тэтчер нелегко, между прочим, и потому, что она не прощает ошибок, не терпит подхалимов, презирает их и резко ставит на место. Однако она ценит преданных людей.

К моменту, когда Тэтчер стала признанным лидером тори, ей удалось избавиться от провинциального линкольнширского акцента (хотя она и сейчас иногда пользуется им ради ораторского эффекта), но голос ее сделался слишком высоким и пронзительным. Это усиливало и без того расхожее представление о ней как о политике жестком и высокомерном. Пришлось продолжить занятия дикцией, снижать тембр голоса, учиться говорить медленнее. Тем не менее журналистское прозвище «железная леди» прилипло к ней и в национальном, и в международном масштабе — и, кажется, навсегда.

Английские социологи отмечают, что Тэтчер пользуется безусловным уважением избирателей, хотя любви к ней они не испытывают. Ее нередко обвиняют в нехватке теплоты, в неумении сопереживать простым людям. Однако ей неизменно отдают должное за решительность и компетентность. Опрос, проведенный в январе 1987 года, показал: по мнению 54 процентов британцев, именно она будет «очень хорошо» или «довольно хорошо» управлять страной, если допустить, что консерваторы одержат третью победу подряд. И партия Тэтчер победила в третий раз!

«Секрет заключается в том, — сказала Тэтчер однажды в ответ на светский комплимент, — что я люблю свою работу. Она подходит мне и стимулирует меня. Ни разу не случилось, чтобы я подумала: „О боже, хоть бы меня здесь не было!“».

Между тем ей довелось пережить немало тревожных минут. В 1984 году премьер-министр, участвуя в ежегодной партийной конференции в Брайтоне, чудом избежала смерти, когда террористы из ИРА взорвали отель, где остановилось все руководство тори. От ванной комнаты, куда она собиралась пойти через минуту, остались одни обломки. В сентябре 1986-го, по завершении официального визита в Норвегию, ей через десять минут после вылета сообщили, что в самолете, возможно, заложена бомба. «Будем продолжать полет», — решила Тэтчер. Только в лондонском аэропорту Хитроу выяснилось, что тревога была ложной.

За все годы, что она стоит во главе британского правительства, «железную леди» лишь дважды видели со слезами на глазах: один раз — когда в ходе телеинтервью она вспоминала отца, второй — когда в течение шести дней она не получала известий о сыне Марке, участвовавшем в авторалли по Сахаре. Вообще Марк доставил

матери немало хлопот. Его обвиняли в том, что он ежегодно выкачивает из гонконгских фирм около 130 тысяч долларов в виде зарплаты, гонораров и комиссионных, что в Омане, пользуясь положением сына премьер-министра, он выбил многомиллионный контракт для нанявшей его строительной компании «Симентейшн». Обвиняли его и в других злоупотреблениях родственными связями, хотя сам он, как и Маргарет Тэтчер, с негодованием все отрицал.

Ралли, когда Марк пропал на шесть дней, совпали по времени с англо-аргентинским конфликтом из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. «Тогда я поняла, — вспоминала позднее Тэтчер, — через что прошли матери участников фолклендской войны... как ужасно им было».

Однако многие британцы по-прежнему считают, что премьер-министр не склонна чутко воспринимать чужую боль. В ходе того же фолклендского конфликта она отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно», хотя он находился за пределами зоны боевых действий и никакой угрозы британским войскам не представлял. Эта акция привела к гибели 368 человек, сделала невозможным мирное урегулирование англо-аргентинского спора. Но и сейчас глава правительства заявляет, что в аналогичной ситуации повторила бы свой приказ.

«Битва» за пустынные островки в Южной Атлантике, которые от Великобритании отделяют тысячи километров, имела в большей степени политическое, чем военное значение. Фолклендская война была использована Тэтчер (и тут не обошлось без элементов шовинизма) для того, чтобы снять обеспокоенность снижением международного престижа страны, доказать, что Британия все еще является великой державой. Трехмиллионная безработица, кризис городов, проблемы, связанные с сокращением социальных ассигнований, — все это на время отошло на задний план. Подавляющее большинство населения испытывало эйфорию, вызванную победой в фолклендской войне. Если тэтчеризм добился поддержки по вопросу о войне, отмечал исследователь Р. Грей, то это частично объясняется тем, что левые — по историческим и идеологическим причинам — оказались мало подготовленными для ответа на кризис национального сознания, связанный с упадком империи. Акции Тэтчер и правого крыла консервативной партии резко подскочили. На выборах 1983 года консерваторам отдали свои голоса и многие рабочие, традиционно поддерживавшие лейбористскую партию.

Успех консерваторов объяснялся и неспособностью оппозиционных сил — лейбористов и альянса либералов с социал-демократами — предложить убедительную социально-экономическую альтернативу.

Получив новый мандат, Тэтчер без колебаний продолжила взятый курс. В результате денационализации в частные руки были распроданы многие компании государственного сектора; было проведено свертыwanie традиционных отраслей, в результате чего без работы остались десятки тысяч людей; частичному демонтажу была подвергнута государственная сфера социального обслуживания, созданная в послевоенный период.

Апеллируя к «национальным интересам», Тэтчер возглавила наступление не на тот или иной профсоюз, выдвигающий «чрезмерные» требования, а на сами основы организованного рабочего движения. В ходе начавшейся в марте 1984 года и продолжавшейся целый год забастовки горняков, протестовавших против закрытия двух десятков шахт и сокращения более 20 тысяч рабочих мест, правительство бросило против пикетчиков крупные полицейские силы. При этом консерваторы опирались на принятое ими вопреки протестам трудящихся антипрофсоюзное законодательство, резко ограничивающее право на забастовку. («Штрейкбрехеры? Это львы... Это лучшие люди Британии», — заявляла Тэтчер во время забастовки горняков.)

Сдвиги в социальной политике, призванные утвердить индивидуализм, опору на свои собственные силы, привели к росту социального неравенства. Преимущества создавались для тех, кто и без того имел наилучшие шансы (так, именно наиболее состоятельная часть населения выиграла в результате введения налоговых льгот). Цветным, престарелым, больным, безработным, а также живущим в охваченных депрессией районах не приходится рассчитывать на блага тэтчеризма; их жизненные условия ухудшились. Но значительная часть населения оказалась в выигрыше.

Многие купили распродававшиеся муниципальные дома, завели «собственное дело». В актив Тэтчер голосующие за нее относят и снижение инфляции. Относительная стабильность цен для большинства избирателей важнее, чем размеры армии безработных. Это зло многие начинают воспринимать как неизбежную издержку системы.

А этой системе Тэтчер придала динамичность и большую эффективность. Позиции британского капитализма

значительно окрепли. При Тэтчер были осуществлены структурные изменения экономики, модернизация производственного аппарата. Рост валового внутреннего продукта достиг самого высокого показателя в Западной Европе, выросла производительность труда.

Авторитет Тэтчер повысился как внутри страны, так и за рубежом. Утвердилась ее репутация наиболее опытного и твердого политика Запада. В голосе премьер-министра появилось гораздо больше уверенности, порой граничащей с презрением ко всем, кто не согласен с ее взглядами. Тэтчер существенно изменила механизм выработки и принятия государственных решений. Она резко снизила роль кабинета министров в этом механизме. Главное для нее — добиться от кабинета министров принятия решений, которые она заранее заготовила и от которых редко отступает. По существу, сегодня в Британии никто, кроме нее, не может посягать на лавры сильного лидера.

Согласно данным опроса, проведенного в конце 1988 года для журнала «Опшнз», 74 процента британцев восхищаются решимостью Тэтчер вновь сделать Британию великой державой, причем большинство полагает, что добрые старые времена, когда «Юнион Джек»* горделиво реял на планете, уже наступили.

Но вот что интересно. Те же самые избиратели, которые в третий раз привели консерваторов к власти, явно недовольны социальными последствиями реформ Тэтчер. Британское общество стало более алчным — таков вердикт 80 процентов жителей страны. Столько же считает, что бедным не оказывается достаточная помощь. Резко критикует Тэтчер интеллигенция, не приемлющая «монетаристского» эгоизма, осуждающая снижение ассигнований на сферу образования и культуры. Политику, который установил рекорд непрерывного пребывания у власти, отказали в звании почетного доктора Оксфордского университета.

Чем объясняются эти противоречия? Да, скорее всего, тем, что порочность принципа «разделяй и властвуй», позволяющего премьер-министру добиваться своего, осознается сейчас в Великобритании все острее. Хотя ныне партия Тэтчер обладает абсолютным большинством в парламенте, тем не менее она получает поддержку лишь примерно 40 процентов избирателей.

Комментатор влиятельной «Файнэншл тайме» Джо Ро-

* «Юнион Джек» — государственный флаг Соединенного Королевства.

гали в статье по итогам 1988 года отмечал: Великобритания может превратиться в авторитарную страну. «Для этого уже имеются условия, — подчеркнул он. — Отсутствие писаной конституции, неконтролируемая исполнительная власть, а также возможность того, что в один прекрасный день непрерывное правление (Тэтчер. — *Авт.*) начнет подрывать самоконтроль тех, кто обладает властью».

Едва ли кто мог дать подобный прогноз в 1979 году, когда тори заняли Уайтхолл. Тогда «коньком» предвыборного манифеста консерваторов считалось намерение покончить с вмешательством государства. Но боровшаяся против «государства всеобщего благоденствия» М. Тэтчер ныне близка к тому, чтобы установить диктатуру государства «монетаристского». Ее кабинет проталкивает через парламент и те законопроекты, которые не пользуются поддержкой большинства населения (например, о введении платы за ряд медицинских услуг).

Даже благожелательная по отношению к тори печать начинает высказывать некоторые опасения. По ее мнению, две главные угрозы для правительства, а значит, и для М. Тэтчер — это пренебрежение взглядами остальных и самоуспокоенность. Консерваторы предпочитают игнорировать тот факт, что в обществе существует тяга и к ценностям, которые не укладываются в рамки проповедуемой ими идеологии.

Явные изменения претерпевает и оценка внешней политики правительства. Уменьшилось число британцев, полагающих, что стране следует оставаться ядерной державой. В том, что ядерное оружие — фактор, повышающий, а не снижающий их собственную безопасность, уверена сегодня примерно половина опрошенных. Даже любимый писатель премьер-министра, автор головоломных детективов Джон Ле Карре выступил за замораживание ядерных вооружений. Но Тэтчер пока стоит на своем: «Я не могу представить себе мир без ядерного оружия. Я человек практичный... Не надо стремиться к нереальным целям... Я не считаю эту идею осуществимой». Ядерное оружие премьер-министр представляет гарантом безопасности, сохраняющим мир в Европе на протяжении более сорока лет.

Растущее недовольство британцев вызывает и не критичное отношение кабинета М. Тэтчер к заокеанскому дядюшке. Из заявлений премьер-министра: «Я не верю в существование различий между США и Великобританией. Мы искренние и верные члены НАТО»; «Американцы —

самая великодушная нация, которая когда-либо жила на земле»; «Мы, на Западе, не могли бы найти лучшего, более смелого защитника наших интересов, чем президент Рейган».

Тэтчер пытается выполнять роль посредника в отношениях между США и Западной Европой и с этой ролью, пожалуй, вполне справляется. Авторитет М. Тэтчер на международной арене утвердился во многом благодаря тому, что ей удавалось умело замазывать трещины в Североатлантическом альянсе, причем порой ценой кратковременных потерь в личной популярности. Так было после бомбардировки авиацией США ливийских городов. Так было и после Рейкьявика. «Я всегда считала, что центром свободного мира является бассейн Атлантики. Америка и Англия всегда держались друг друга...» — заявила глава британского правительства в интервью американской газете «Ю-Эс-Эй тудей» в сентябре 1988 года.

Однако времена меняются. И ныне, придерживаясь традиционной для Великобритании линии на укрепление связей с США, М. Тэтчер вместе с тем ратует за повышение роли Западной Европы в диалоге между Востоком и Западом, за ее большую самостоятельность.

Что касается ее отношения к интеграционным процессам внутри Европейского сообщества, то его скорее можно назвать настороженным. Создание в 1992 году в рамках ЕЭС единого европейского рынка может в определенной степени ослабить влияние Великобритании, которая заметно уступает в уровне экономического развития не только ФРГ, но и Франции. Тэтчер отказывается присоединить фунт стерлингов к Европейской валютной системе, несмотря на то что за это выступает даже ряд министров в ее кабинете, противится созданию Центрального европейского банка. С негодованием отчитала председателя Комиссии европейских сообществ Жака Делора, когда тот заявил, что в будущем до 80 процентов всех решений по экономическим вопросам будет приниматься выборными органами ЕЭС, а не правительствами государств, входящих в Сообщество. Очень настороженно относится Тэтчер и к оживлению франко-западногерманского военного сотрудничества, постоянно подчеркивая, что такая группировка, как Западноевропейский союз, ни в коей мере не может заменить НАТО.

Сравнительно недавно возле знаменитой лестницы на Даунинг-стрит, 10, установили красивый глобус — подарок президента Франции Ф. Миттерана. Возможно, подарок

был не без намека. Париж постоянно указывает Лондону, что ему пора бы шире взглянуть на мир, в частности на Западную Европу.

Несмотря на то что «островное» мышление британцев еще дает о себе знать, они все больше связывают укрепление международных позиций своей страны с установлением более тесных связей с другими западноевропейскими государствами. И атаки Тэтчер на Делора «понравились» лишь 52 процентам опрошенных жителей Альбиона.

Как-то, демонстрируя «глобус Миттерана» главному редактору газеты «Санди экспресс» Робину Эссеру, глава правительства прикрыла ладонью всю Западную Европу и сказала: «Посмотрите, какие мы маленькие. Напоминание об этом принесет всем нам пользу. Вы только посмотрите на Восток».

Увы, Восток и по сей день вызывает у Тэтчер тревогу, хотя во взглядах на него произошли изменения. Новые миролюбивые инициативы и конкретные внешнеполитические акции Советского Союза, направленные на обеспечение международной безопасности, способствовали улучшению отношений между Востоком и Западом, оздоровлению международного климата. Это побудило М. Тэтчер в конце 1988 года заявить, хотя и не без оговорок, об окончании «холодной войны».

Абсурдность мифа о «советской угрозе» с каждым днем становится все очевидней под влиянием позитивных перемен, происходящих в советской внутренней и внешней политике в условиях перестройки. Более половины англичан высказывается сегодня за ликвидацию американских ядерных баз на Британских островах. Растет доверие британцев к миролюбивой внешней политике Советского Союза, к его нынешнему руководству. Так, по данным опроса, опубликованном в лондонской «Гардиан» 20 января 1989 г., лишь 4 процента опрошенных, пользующихся избирательными правами, усматривают сейчас в СССР угрозу безопасности Англии. «Это примечательное выражение доверия, которое противоречит военным предупреждениям многих десятилетий об опасном характере „русского медведя"», — отмечает газета.

Проявляя свойственное ей политическое чутье, М. Тэтчер раньше других западных лидеров сумела понять, что начавшиеся в СССР после апреля 1985 года перемены носят отнюдь не конъюнктурный, кратковременный характер, а являются частью долгосрочного и принципиально нового курса.

Свое правление она начала с замораживания отношений с СССР, с резких, выдержанных в духе лобового антикоммунизма заявлений, но глубокие реформы, осуществляемые в Советском Союзе, заставили ее по-новому взглянуть на нашу страну, на перспективы сотрудничества с ней. Ее высказывания в отношении Советского Союза все больше свидетельствуют о понимании характера происходящих у нас процессов. «Нельзя активно ратовать за права человека, — говорит она, — и при этом не поддерживать гласность и перестройку, которая означает расширение ответственности человека, предполагает уменьшение централизованного контроля, потому что, если не заинтересовать человека, не получишь никаких результатов».

Прогрессу в советско-британских отношениях в небольшой степени способствовали личные контакты между М. Тэтчер и М. С. Горбачевым. Советского лидера М. Тэтчер назвала «смелым, решительным и мужественным руководителем» и выразила надежду на то, что «он преуспеет в решении стоящей перед ним огромной задачи, ибо тем самым он расширит границы свободы и счастья людей».

М. Тэтчер приветствовала Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанный Советским Союзом и Соединенными Штатами. Она высоко оценила инициативы, выдвинутые М. С. Горбачевым в ООН в декабре 1988 года, охарактеризовав их как важный шаг на пути к установлению баланса сил в Европе. Как известно, выступая в Нью-Йорке, М. С. Горбачев, в частности, заявил о решении в одностороннем порядке сократить Советские Вооруженные Силы и обычные вооружения.

Говоря о радующих нас позитивных переменах в советско-британских отношениях, не хотелось бы создавать у читателя впечатление, будто М. Тэтчер, поставившая во главу угла борьбу с социализмом внутри своей страны, вдруг прониклась симпатией к марксистскому мировоззрению. Она, разумеется, как и прежде, твердо убеждена, что капитализм — это единственный строй, при котором человек действительно свободен и при желании может реализовать свои возможности. Она по-прежнему не склонна приветствовать идею о всеобщем и полном ядерном разоружении, считая достижение этой цели утопией, и продолжает всячески ратовать за модернизацию ядерного потенциала Великобритании. Даже позитивно оценивая мирнолюбивые инициативы нынешнего советского руководства, премьер-министр не забывает напомнить со-

юзникам по НАТО, что Запад должен «оставаться начеку и быть уверенным в надежности своей обороны». Тэтчер — последовательный защитник интересов имущих британцев, устоев и традиций системы, которую представляет. Однако реалии взаимозависимого мира требуют поиска сближения вопреки идеологическим различиям.

Чернобыль доказал хрестоматийную истину, которая начинала забываться: атом страшен, если он выходит из-под контроля человека. Британские фермеры, забивавшие овец, отравленных радиацией, вряд ли думали об особенностях советской системы. Развалины Спитака напомнили о том, что стихия разрушительна при любом строе. Взрыв американского «Боинга-747» над шотландским городком Локерби, осуществленный террористами, воочию продемонстрировал британцам, как бессмысленна и жестока слепая ненависть.

Искреннюю боль, как и у всех британцев, вызвала у главы британского правительства трагедия, происшедшая в Армении. М. Тэтчер узнала о ней рано утром, слушая свою любимую четвертую радиопрограмму, и, отбросив условности, позвонила прямо в студию, чтобы узнать подробности о последствиях землетрясения. Позднее, уже после того, как правительство и британский народ оказали огромную помощь пострадавшим, она вспоминала: «Мы поняли, что нам надо без промедления действовать... Я считаю, это очень хороший пример того, что связывающее всех нас воедино сильнее того, что нас разделяет».